

Хорхе Луис Борхес

САД РАСХОДЯЩИХСЯ
ТРОПОК

АЛЕФ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РАССКАЗОВ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Авр)-44
Б 83

Jorge Luis Borges
CUENTOS COMPLETOS

Copyright © 1995, Mariana del Socorro Kodama, Martín Nicolás Kodama,
María Victoria Kodama, Matías Kodama and María Belén Kodama
All rights reserved

Перевод с испанского
Виктора Андреева, Всеволода Багно, Бориса Дубина,
Кирилла Корконосенко, Валентины Кулагиной-Ярцевой,
Евгении Лысенко, Владимира Правосудова, Веры Резник,
Абрама Рейтблата, Людмилы Синянской, Юрия Стефанова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © В. Н. Андреев, перевод, 2004
- © Вс. Е. Багно, перевод, 1990
- © Б. В. Дубин (наследник), перевод, примечания, 2024
- © К. С. Корконосенко, перевод, примечания, 2021
- © В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 1994
- © Е. М. Лысенко (наследник), перевод, 2024
- © В. В. Правосудов, перевод, 2000
- © В. Г. Резник, перевод, 1992
- © А. И. Рейтблат, перевод, 1992
- © Л. П. Синянская (наследники), перевод, 2024
- © Ю. Н. Стефанов (наследники), перевод, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-22915-0

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
БЕСЧЕСТЬЯ

(1935)

Предисловие к первому изданию

Истории, созданные в повествовательной манере и составляющие эту книгу, были написаны в 1933–1934 годах. Своим рождением они обязаны, я полагаю, Стивенсону и Честертону, а также первым фильмам фон Штернберга и, возможно, некоторым биографическим данным Эваристо Карриего. Они способны сослужить плохую службу своим первоисточникам: многочисленные перечисления, неожиданная развязка, сведение всей жизни человека к двум-трем эпизодам. (Это авторское намерение заметно также и в новелле «Мужчина из Розового салона».) Они не являются психологическими рассказами и не пытаются быть таковыми.

Что касается сказочных историй, которые завершают книгу, то я — только их переводчик и читатель, не более того. Подчас я склонен думать, что хороший читатель еще более загадочен и уникален, чем хороший автор. Меня никто не убедит, что произведения, которые Валери приписал своему давнему персонажу Эдмону Тэсту, обладают большей ценностью, чем созданные позже письма его, Тэста, жены и друзей.

Чтение — это прежде всего форма деятельности, что идет вслед процессу писания; но только более смиренная, более изысканная, более интеллектуальная.

Х. Л. Б.

Буэнос-Айрес, 27 мая 1935 г.

Предисловие к изданию 1954 года

Прежде всего отмечу: барокко — это стиль, который осознанно исчерпывает (или желает исчерпать) свои собственные возможности и который соприкасается с карикатурой на самого себя. Напрасно Эндрю Лэнг, в тысяча восемьсот восемьдесят каком-то году, пытался подражать «Одиссее» Поупа: произведение уже было пародией на самое себя, и пародист не смог бы превзойти автора. Барокко (бароко) — это одно из наименований силлогизма: XVIII век применил его к вычурности в архитектуре и живописи XVII столетия; я сказал бы, что завершающий этап любого искусства, когда оно исчерпывает себя и выставляет напоказ свои приемы, — барочен. Барочность — это умствование, а Бернард Шоу сказал, что любая умственная деятельность смешна. Смех — неосознанно для автора — ощущается в творчестве Бальтасара Грасиана; осознанно либо предумышленно он присутствует в творчестве Джона Донна.

Уже самим названием этой книги заявлена ее барочная природа. Переписать сейчас давние рассказы означало бы уничтожить их; я могу только сослаться на сентенцию «quod scripsi, scripsi»¹ (Ин. 19: 22) и, двадцать лет спустя, переиздать их без изменения. Они — не более чем игра неуверенного в себе автора, который не был склонен писать рассказы и который нашел себе развлечение в искажении и подделке (без какой-либо эстетической подоплеки) чу-

¹ «Что написал, то написал» (лат.).

жих историй. Эти весьма двусмысленные намерения привели к созданию наиболее тщательно отделанного рассказа — «Мужчина из Розового салона», — который написан от имени деда Франсиско Бустоса и который почему-то пользуется у читателей успехом.

В этом рассказе, построенном на разговорной речи, встречаются и некоторые книжные слова. Я ввел их в рассказ потому, что люди предместья, куманьки, поножовщики тяготеют к изысканной речи либо (данное суждение исключает иные, но, возможно, оно истинно) потому, что любой поножовщик индивидуален и никогда не говорит как поножовщик, который является не более чем умозрительной фигурой.

Знатоки Великих Связей утверждают, что основа Вселенной — пустота. Они правы в отношении той малой частицы Вселенной, какой можно назвать данную книгу. Слово «бесчестье» в ее названии вызывает недоумение, висельники и пираты населяют ее, но в глубине людского водоворота нет ничего. Есть только видимость, оболочка образов; может быть, поэтому книга и нравится читателям. Человек, написавший ее, был совершенно неуверен в себе, но он написал ее ради развлечения и удовольствия; остается только уповать на то, что какое-то удовольствие получат и читатели.

В раздел «Et cetera» я добавил три новые истории.

Х. Л. Б.

*I inscribe this book to S. D.: English, innumerable and an Angel.
Also: I offer her that kernel of myself that I have saved, somehow —
the central heart that deals not in words, traffics,
not with dreams and is untouched by time, by joy, by adversities¹.*

¹ Я посвящаю эту книгу С. Д.: сочетающей в себе все ангельское, несметное и английское. И еще: это подношение составляет самую мою сущность, то, что мне так или иначе удалось сохранить, — сердцевину себя, которая заключается не в словах, не в странствиях, не в сновидениях и не доступна ни времени, ни радости, ни ненастьям (*англ.*).

ЖЕСТОКИЙ ОСВОБОДИТЕЛЬ ЛАЗАРУС МОРЕЛЬ

Отдаленная причина

В 1515 году отцу Бартоломе де лас Касасу стало очень жалко индейцев, изнемогавших от непосильного труда в аду антильских золотых копей, и он предложил императору Карлу V ввозить негров, чтобы от непосильного труда в аду антильских золотых копей изнемогали негры. Этому любопытному извращению чувств филантропа мы обязаны бесчисленными следствиями: отсюда блюзы Хэнди, успех в Париже художника с Восточного берега Педро Фигари, превосходная проза, трактующая о беглых рабах, другого уругвайца, дона Висенте Росси, мифологическое величье Авраама Линкольна, пятьсот тысяч погибших в войне между Севером и Югом, три миллиарда триста миллионов, потраченных на военные пенсии, статуя мнимого Фалучо, включение глагола «линчевать» в тринадцатое издание Академического словаря, страстный фильм «Аллилуйя», мощная штыковая атака Солера во главе его «смуглых» и «черных» в Серрито, прелесть сеньориты такой-то, негр, убивший Мартина Фьерро, пошлая румба «Эль Манисеро», пресеченный и заточенный наполеоновский порыв Туссен-Лувертюра, крест и змея на Гаити, кровь коз, зарезанных ножом папалоа, хабанера как мать танго, танец кандомбе.

А кроме того, преступная и великолепная жизнь жестокого освободителя Лазаруса Мореля.

Место

Миссисипи, Мать Вод, самая длинная река в мире, была достойным поприщем для этого несравненного поддльца. (Открыл ее Альварес де Пинеда, и первым ее исследователем был капитан Эрнандо де Сото, конкистадор, который завоевал Перу и скрашивал месяцы тюремной жизни инке Атауальпе, обучая его игре в шахматы. Когда капитан умер, его могилой стали воды этой реки.)

Миссисипи — широкогрудая, бесконечно длинная и смуглая сестра рек Парана, Уругвай, Амазонка и Ориноко. Воды этой реки имеют цвет кожи мулата — более четырехсот миллионов тонн ила, принесенного ими, ежегодно загрязняют Мексиканский залив. Такое количество почтенных древних нечистот привело к образованию дельты, где гигантские болотные кипарисы растут на отбросах непрестанно размываемого континента, а топкие лабиринты, усеянные дохлой рыбой и заросшие тростником, все расширяют границы и мирную тишину зловонной своей империи. Севернее, на широтах Арканзаса и Огайо, также простираются низменности. Живет там желтолицее племя изможденных бедняг, болеющих лихорадкой, с жадностью глядящих на камни и железо, потому что у них нет ничего, кроме песка, да древесины, да мутной воды.

Люди

В начале девятнадцатого века (нас интересует именно это время) обширные хлопковые плантации на берегах Миссисипи обрабатывали негры, трудившиеся от зари до зари. Спали они в бревенчатых хижинах на земляном полу. Все родственные связи, кроме отношения «мать — дитя», были чисто условными и туманными. Имена были, но многие обходились без фамилий. Читать негры не умели. Мягким фальцетом они напевали свои песни, удлинняя анг-

лийские гласные. Работали рядами, согнувшись под бичом надсмотрщика. Порой убегали, тогда бородатые мужчины вскакивали на красивых лошадей, а сильные охотничьи собаки шли по следу.

К основе, состоявшей из животной надежды и африканских страхов, они прибавили слова Писания: их верой стала вера в Христа. Взволнованно хором они пели: «Go down, Moses»¹. В Миссисипи они видели некое подобие мутной реки Иордан.

Владельцами этой труженицы-земли и этих негров-рабов были праздные, жадные длинноволосые господа, обитающие в больших домах, глядевшихся в реку, — с непременно псевдогреческим портиком из белой сосны. Хороший раб стоил дорого и тянул недолго. Некоторые были настолько неблагодарны, что вскоре заболели и умирали. Следовало выжимать из этих ненадежных типов максимум прибыли. Поэтому их держали в поле от первого луча солнца до последнего, поэтому ежегодно собирали со своих земель урожай хлопка, или табака, или сахара. Утомленная и задерганная непрерывной обработкой, земля быстро истощалась; в плантации вклинивались густые заросли сорняков. На заброшенных фермах, в предместьях, в чащах тростника и на вонючих болотах жили роог whites, белые бедняки. То были рыболовы, охотники за чем придется, скотоводы. Они нередко выпрашивали у негров куски краденой пищи и в своем жалком прозябании тешились одной горделивой мыслью, что у них-то кровь чистая, без примеси. Одним из них был Лазарус Морель.

Наш герой

Публикуемые в американских журналах дагеротипы Мореля не аутентичны. Отсутствие подлинных изображений человека, столь запоминающегося и знаменитого,

¹ «Сойди, Моисей» (англ.).

наверняка не случайно. Можно предположить, что Морель уклонялся от посеребренной пластинки главным образом для того, чтобы не оставлять лишних следов да, кстати, поддерживать таинственность... Однако мы знаем, что в молодости он был некрасив и что слишком близко посаженные глаза и тонкие губы не располагали в его пользу. Впоследствии годы придали ему ту особую величавость, которая бывает у поседевших негодяев, у удачливых и оставшихся безнаказанными преступников. Он был истый аристократ-южанин, несмотря на нищее детство и бесчестную жизнь. Недурно зная Священное Писание, он произносил проповеди с необычайной убедительностью. «Видел Лазаруса Мореля на кафедре, — записывает некий владелец игорного дома в Батон-Руж, штат Луизиана, — слушал его назидательные речи и видел, как у него на глазах проступали слезы. Я-то знал, что он прелюбодей, похититель негров и убийца перед лицом Господа, но и мои глаза плакали».

Другое яркое свидетельство этих благочестивых порывов исходит от самого Мореля. «Я открыл наугад Библию, наткнулся на подходящий стих у апостола Павла и говорил проповедь час двадцать минут. Не потеряли зря это время и Креншоу с товарищами — они покамест угнали у моих слушателей всех лошадей. Мы их продали в штате Арканзас, кроме одного гнедого, горячего коня, которого я придержал для собственного употребления. Креншоу он тоже понравился, но я его убедил, что конь этот ему не подходит».

Метод

Красть лошадей в одном штате и продавать их в другом было лишь незначительным отклонением в преступной истории Мореля, однако это занятие уже предвещало тот метод, который обеспечил ему прочное место во Всеобщей

истории бесчестья. Метод, единственный не только по обстоятельствам *sui generis*¹, его определившим, но и по требующейся для него низости, по сатанинской игре на надежде и по постепенному развороту, схожему с мучительным развитием кошмара. Аль-Капоне и Бэгс Моран орудуют огромными капиталами и покорными автоматическими ружьями в большом городе, но их занятие достаточно пошлое. Они спорят из-за монополии, только и всего... Что до численности шайки, так Морель под конец командовал какой-нибудь тысячей молодцов, и все они приносили ему клятву верности. Двести входили в Верховный совет, издававший приказы, которые выполнялись остальными восемьюстами. Опасности подвергались подчиненные. В случае бунта их предавали суду либо просто бросали в быстрые мутные воды реки с надежным камнем на ногах. Частенько то были мулаты. Их бандитская роль состояла в следующем.

Они объезжали — для пущего почтения щеголяя дорогим перстнем — обширные плантации Юга. Находили какого-нибудь несчастного негра и обещали ему свободу. Убеждали его бежать от хозяина, чтобы они могли продать его вторично на какую-нибудь отдаленную плантацию. Тогда, мол, они дадут ему столько-то процентов от вырученных денег и помогут бежать снова. Потом доставят его в один из свободных штатов. Деньги и воля, звонкие серебряные доллары и воля — можно ли было предложить что-либо более соблазнительное? И раб решался на свой первый побег.

Естественным путем для бегства была река. Каноэ, трюм корабля, шлюпка, необозримо огромный плот с будкой на одном конце или с высокими парусиновыми палатками — не все ли равно как, главное — знать, что ты движешься, что ты в безопасности на неустанно текущей реке...

¹ Своеобразный (*лат.*).

Негра продавали на другой плантации. Он опять убежал в тростниковые заросли или прятался в пустых бараках. Тогда грозные благодетели (к которым он уже начинал испытывать недоверие) говорили ему о каких-то непредвиденных расходах и заявляли, что вынуждены его продать в последний раз. Когда он вернется, ему отдадут проценты за две продажи и он будет свободен. Негр разрешал себя продать, какое-то время работал, потом решался на последнее бегство, несмотря на охотничьих собак и грозившую порку. Он возвращался окровавленный, потный, отчаявшийся, засыпающий на ходу.

Окончательная свобода

Следует рассмотреть юридический аспект этих фактов. Молодчики Мореля не продавали негра до тех пор, пока первый его хозяин не объявит о его бегстве и не предложит награду за поимку беглеца. Тогда любой был вправе задержать его, и последующая продажа представляла собой лишь некое злоупотребление доверием беглеца, но не похищение. Обращаться же к гражданскому правосудию было бесполезно и накладно — убытки никогда не возмещались.

Все это, казалось, должно было избавить от опасений. Однако нет. Негр мог заговорить, в порыве благодарности или горя негр мог проговориться. Несколько фляг ячменного виски в публичном доме в Эль-Каиро, штат Иллинойс, где этот сукин сын, этот потомственный раб станет транжирить кругленькую сумму, которую они должны ему отдать ни за что ни про что, — и конец тайне. Север в эти годы мутила партия аболиционистов, шайка опасных безумцев, которые отрицали собственность, проповедовали освобождение негров и подбивали их убежать. Морель отнюдь не желал, чтобы его причислили к этим анархистам. Он был не янки, он был белый с Юга, сын и внук

белых, и он питал надежду со временем удалиться от дел, зажить барином и обзавестись хлопковыми плантациями и рядами гнущих спину рабов. С его опытом он не мог себе позволить рисковать зря.

Беглец ждал освобождения. Тогда хмурые мулаты Лазаруса Мореля передавали друг другу приказ — порой всего лишь шевельнув бровью — и освобождали негра от зрения, от слуха, от осязания, от дневного света, от окружающей подлости, от времени, от благодетелей, от милосердия, от воздуха, от собак, от Вселенной, от надежды, от труда и от него самого. Пуля, удар ножом в живот или кулаком по голове — точные сведения получали черепахи и рыбы-усачи в Миссисипи.

Крах

Дело, которому служили верные люди, должно было процветать. К началу 1834-го Морель «освободил» уже около семисот негров, и еще немало собиралось последовать примеру этих «счастливых». Зона деятельности расширилась, понадобилось принять новых членов. Среди принесших клятву новичков был один парень, Вирджил Стюарт из Арканзаса, который очень скоро выделился своей жестокостью. Парень этот был племянником одного аристократа, потерявшего большое число рабов. В августе 1834 года Вирджил нарушил клятву и выдал Мореля и всех остальных. Дом Мореля в Новом Орлеане был осажден полицией. Но по ее оплошности или с помощью подкупа Морелю удалось бежать.

Прошло три дня. Морель это время скрывался на улице Тулуз в старинном доме, где было патио с вьющимися растениями и статуями. Он, говорят, ел очень мало и все бродил босиком по большим темным покоем, задумчиво куря сигареты. Через служившего в этом доме раба он передал два письма — в город Натчез и в Ред-Ривер.

На четвертый день в дом вошли трое мужчин и побеседовали с ним до рассвета. На пятый день к вечеру Морель встал, попросил наваху и тщательно сбрил себе бороду. Затем оделся и вышел. Неторопливо, спокойно он прошел по северному предместью. И только оказавшись за городом, на прибрежных низменностях Миссисипи, зашагал быстрее.

План его был вдохновлен пьяной отвагой. Морель хотел воспользоваться последними людьми, которые еще должны были его чтить: неграми-рабами на Юге. Они же видели, как их товарищи бежали, видели, что те не возвращаются. Следовательно, они верили, что беглецы на воле. План Мореля состоял в том, чтобы поднять всеобщее восстание негров, захватить и разграбить Новый Орлеан и занять всю его территорию. Низвергнутый и почти уже уничтоженный предательством, Морель замыслил ответ в масштабах континента — ответ, поднимавший преступника до искупления и до Истории. С этой целью он направился в Натчез, где его имя было более всего в почете. Привожу собственный его рассказ об этом путешествии:

«Я шел четыре дня пешком, прежде чем удалось достать лошадь. На пятый день сделал привал у какого-то ручейка, чтобы запастись водой и отдохнуть. Сажу я на бревне и гляжу на дорогу, по которой шел, как вдруг вижу: приближается ко мне всадник на породистом вороном. Как увидел я его, сразу решил отнять коня. Приготовился, навел на него мой славный револьвер и приказал спешиться. Он приказ исполнил, а я взял в левую руку поводья, показал ему на ручеек и говорю, чтобы шел вперед. Прошел он вар двести и остановился. Я приказал раздеться. Он сказал: „Если уж вы хотите меня убить, дайте помолиться перед смертью“. Я ответил, что у меня нет времени слушать его молитвы. Он упал на колени, и я всадил ему пулю в затылок. Потом рассек живот, вытащил внут-

ренности и бросил их в ручей. Потом обшарил карманы, нашел в них четыреста долларов тридцать шесть центов и кучу бумажек, с которыми я не стал возиться их рассматривать. Сапоги у него были новехонькие и мне как раз впору. Мои-то уж совсем износились, я кинул их в ручей.

Так я обзавелся лошадю, чтобы въехать в Натчез верхом».

Конец

Морель во главе взбунтовавшихся негров, которые мечтают его повесить, Морель, повешенный отрядами негров, которыми он мечтал командовать, — с прискорбием признаю, что история Миссисипи не воспользовалась этими великолепными возможностями. Вопреки поэтической справедливости (или поэтической симметрии) также и река, у которой свершались его преступления, не стала его могилой. Второго января 1835-го Лазарус Морель слег с воспалением легких в больнице в Натчезе, записанный под именем Сайлеса Бакли. В общей палате один из больных его узнал. Второго и четвертого января на нескольких плантациях рабы пытались поднять бунт, но их усмирили без большого кровопролития.

БЕСПАРДОННЫЙ ЛЖЕЦ ТОМ КАСТРО

Называю его этим именем, ибо под таким именем его знали в 1850-х годах на улицах и в домах чилийских городов Талькауано, Сантьяго и Вальпараисо, и по справедливости ему надлежит называться так снова, возвращаясь в эти края — пусть всего лишь в виде призрака и субботнего развлечения¹. Метрическая запись в Уоппинге представляет его как Артура Ортона, сообщая дату рождения — 7 июня 1834 года. Мы знаем, что он был сыном мясника, что изведал в детстве отупляющую скудость бедных кварталов Лондона, а затем почувствовал зов моря. В последнем факте нет ничего необычного. Run away to sea, сбежать на море, — традиционный английский способ разрыва с родительской властью, этакое посвящение в герои. Его одобряет географическая наука и даже Писание. (Псалом 106: «Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах видят дела Господа и чудеса Его в пучине».) Ортон удрал из своего убогого краснокирпичного, закопченного предместья, отплыл в море, с неизбежным разочарованием созерцал Южный Крест и сбежал с корабля в гавани Вальпараисо. Был он тихим, безобидным дурачком. По логике вещей он мог (и должен был) умереть с голоду, однако его глуповатая веселость, не сходящая с лица улыбка и беспредельная кротость снижали ему симпатии некоего семейства Кастро, чью фами-

¹ Пользуюсь этой метафорой, дабы напомнить читателям, что эти «бесчестные биографии» публиковались в субботнем приложении к вечерней газете. — *Примеч. автора.*

лию он и принял. Иных следов этого южноамериканского эпизода не осталось, но, видимо, благодарность Тома не иссякла, ибо в 1861 году он появляется в Австралии все под той же фамилией: Том Кастро. В Сиднее он познакомился с Боглем, слугою-негром. Богль, отнюдь не будучи красавцем, отличался той степенной, величавой осанкой и монументальностью прочно построенного здания, какая бывает свойственна негру солидных лет, солидной комплекции и таких же манер. Однако второй его натурой было то, в чем учебники этнографии его расе отказывают: способность к гениальным озарениям. Далее мы увидим подтверждение этому. Богль был человек воздержанный и благовоспитанный, древние африканские инстинкты были крепко обузданы истовым и даже неистовым кальвинизмом. Если не считать явлений ему Господа (о чем речь пойдет ниже), он был абсолютно нормален, без каких-либо отклонений, кроме тайного, неизбывного страха, который его останавливал на перекрестках, — ему чудилось, что то ли с востока или с запада, с юга или с севера на него наедет мчащийся экипаж и его погубит.

Ортон увидел его как-то под вечер на оживленном перекрестке Сиднея, — страшась воображаемой гибели, Богль никак не мог решиться сделать хоть шаг. Понаблюдав за ним довольно долго, Ортон подал ему руку, и они оба с некоторым удивлением пересекли вполне безопасную улицу. С этой минуты давно угасшего вечера между ними установились отношения опеки: опеки внешне нерешительного, величавого негра над толстым вралем из Уоппинга. В сентябре 1865 года оба они прочитали в местной газете полное отчаяния обращение.

Обожаемый покойник

В конце апреля 1854 года (когда Ортон был предметом бурного чилийского гостеприимства, столь же широкого, как их патио) в водах Атлантики потерпел крушение

Борхес Х. Л.

Б 83 Сад расходящихся тропок. Алеф : Полное собрание рассказов / Хорхе Луис Борхес ; пер. с исп. В. Андреева, Вс. Багно, Б. Дубина и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 640 с. — (Иностранная литература. Большие книги). ISBN 978-5-389-22915-0

Хорхе Луис Борхес — один из самых известных писателей XX века, во многом определивший облик современной литературы. Тексты Борхеса, будь то художественная проза, поэзия или размышления, представляют собой своеобразную интеллектуальную игру — они полны тайн и магических образов, чьи истоки следует искать в литературах и культурах прошлого.

Мировую славу Борхесу принесли «вымышленные истории» (как называл их сам автор) — небольшие по объему рассказы, породившие горячий интерес к литературе Латинской Америки и ставшие источником вдохновения для многих поколений писателей. Эти тексты завораживают изящным стилем и эрудицией, загадочным мерцанием правды и вымысла, реальности и фантазии.

В настоящее издание вошли все авторские сборники художественной прозы Борхеса.

УДК 821.134.2(8)
ББК 84(7Авр)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

САД РАСХОДЯЩИХСЯ ТРОПОК

•
АЛЕФ

Полное собрание рассказов

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Ольга Попова,
Татьяна Бородулина, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.04.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-31868-81-R